

Шмидт Наталия

Шмидт Наталия (Natalija Schmidt) родилась в 1940 году в г. Бузулуке Чкаловской обл. в семье выходца из немецкой поволжской колонии Сусанненталь. В декабре 1941 года депортирована в деревню Уртазым Кваркенского района, где и прошло её раннее детство. В 1963 окончила Оренбургский педагогический институт. Работала в системе образования. Сейчас проживает в г. Калининграде. У неё две дочери, четверо внуков и четверо правнуков. Заслуженный учитель РФ. Печаталась: в еженедельнике «Панорама побережья», журнале региональной культуры «Балтика», калининградских альманахах прозы и поэзии «Волны вдохновения» (2009), «Раскрыв все чувства» (2011), «Ступени» (2013). Книги стихов «Река жизни» (2007), «Мёд познания» (2007), «Я вернулась к себе» (2013). Готовится к изданию книга очерков «Я тихо с прошлым говорю».

Дорога длиною в одиннадцать лет

В 1941 моему отцу было только двадцать шесть лет. В 39-м он женился, в 40-м родилась я – первый и последний его ребёнок. В 1942 он расстался с семьёй на долгих одиннадцать лет. С двадцати семи и до тридцати восьми лет он жил вдали от дома. Да и можно ли эти одиннадцать лет назвать жизнью? Вот над чем я начала размышлять. И вот что из этих размышлений получилось.

Год тысяча девятьсот сорок первый. Идёт война. Отца на фронт не взяли. Закончилось лето, а осенью вышло вот такое распоряжение – с него-то всё и началось:

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

РАСПОРЯЖЕНИЕ № 57-к

от 30 октября 1941 г. Москва, Кремль

Содержание: О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные.

Разрешить СНК Узбекской ССР, Молотовскому, Челябинскому, Свердловскому и Чкаловскому областным советам депутатов трудящихся произвести переселение лиц немецкой национальности, проживающих в областных центрах и в промышленных районах, в совхозы и колхозы в пределах своих областей.

Заместитель Председателя Совета

Народных Комиссаров СССР Л. Берия

Вот так по распоряжению Берии нас, российских немцев, проживающих в городе Бузулуке, депортировали в деревню Уртазым Кваркенского района. Пытаюсь представить момент расставания с домом. Едва ли я понимала, что происходит: мне шёл всего лишь второй год от роду. Состояние мамы представить легче. Скорее всего, она не могла думать ни о чём, кроме того, что держит на руках меня, меня – больную, с высокой температурой... В эшелоне было холодно – телячий вагон – а за окном мороз под сорок. Тревога за дочь на время отгеснила боль утраты дома, изгнания из него, ощущение дороги в неизвестность. Некоторое успокоение приносило чувство локтя. Рядом были муж, его родители. Вместе – не так страшно. А что чувствовал отец? Он отлично понимал, что это только цветочки, ягодки – впереди. Шла война. Он, как мужчина, да и по возрасту своему был самым уязвимым в семье. Он предчувствовал, что его участь будет самой тяжёлой. Так оно и вышло. На новом месте он пробыл с нами недолго. В марте 1942 года через военкомат отца забрали (язык не поворачивается сказать «призвали») в трудармию – судьба, общая для всех российских немцев в это военное время.

Трудовой фронт во время войны... Это понятно, это приемлемо для всех и для каждого. Но трудовая армия – нечто совсем другое. То был концлагерь, где под прицелом, за колючей проволокой работали российские немцы. Работали до изнурения, в нечеловеческих условиях, голодая и замерзая от холода. Причина тому одна – национальность. Вот это уже понять и принять невозможно. И что бы те, кого это не коснулось, ни говорили о трудностях того времени, о том, что политику власти можно объяснить объективными причинами, я с ними никогда не соглашусь.

Прощание с семьёй, с пусть временным, но пристанищем было тяжёлым. Вернусь ли? – думалось ему. Но ответа ни душа, ни сердце не давали. Он

искал поддержки в глазах близких – и не находил: все были такими же подавленными, как и он сам.

Первым местом отбывания «наказания» за национальность стал для отца Ульяновск. Так называемый «Волголаг» был организован в марте того же 1942 года. Иными словами, отец находился в нём с первого дня его существования. Целью Волголага было строительство железной дороги Свияжск – Ульяновск. Строительство дороги осуществлялось по постановлению ГКО № 1286сс от 15 февраля 1942 года и было возложено на НКВД и, в частности, на Главное управление железнодорожного строительства. На основании приказа народного комиссара внутренних дел № 00373 от 22 февраля 1942 года в Казани организовывалось управление строительства новой железной дороги и лагеря, получившего название Волжский исправительно-трудовой лагерь НКВД. В течение марта-апреля 1942 года в лагерь предполагалось направить 20 тыс. мобилизованных немцев и 15 тыс. заключенных. Начинать пришлось с нуля – это значит жить под открытым небом, строя одновременно и жильё, и железную дорогу. Труд очень тяжёлый, ручной, орудия труда – лопата, лом, тачка. Вот и вся «механизация». А зачем она нужна, когда столько живой, подневольной, дешёвой силы? И не важно, что эта «сила» валится с ног от тяжёлого, изнурительного труда, недоедания, холода, не важно, что люди мрут как мухи. Чего их жалеть-то? Немцы же! Главное – строительство продвигается.

Прочитав информацию, пересказанную со слов оренбургского трудармейца Аарона Приса, я поняла, что речь шла именно о той группе, куда входил и мой отец. Так называемая «135-я группа» состояла из оренбургских немцев. Под Ульяновском они начали строить железнодорожную насыпь и укладывать шпалы. В ноябре 1942 года группу перебросили на ст. Половинка Соликамского района Молотовской области – это был уже Широлаг.

ЛАГИ, ЛАГИ, ЛАГИ... Весь Северный Урал был покрыт ими сплошь. А узники их, в основном, российские немцы. Широлаг – это строительство Широковской ГЭС. Здесь отец находился по июнь 1946 года, здесь испытал весь ужас лагерного режима. Я пытаюсь найти воспоминания очевидцев «жизни» в этом концлагере, представить в нём своего отца, который недюжинным здоровьем не отличался, был роста невысокого и телосложения не богатырского. Но кто же на это обращал внимание? Там каждый – как одноразовый пакет: использовал да выбросил. Горы замёрзших трупов трудармейцев стали привычным зрелищем. Как я корю себя сейчас за то, что не расспрашивала отца своего о тех его годах рабского существования. А он

сам не делал попыток выговориться, отвести душу. Может быть, маме он и рассказывал об этом. Но не при мне. Сначала, скорее, потому что мала была я, а позже не хотелось вспоминать, терзать свою душу.

Не поведенное отцом тогда восполняю прочитанным у Вильяма Эмануиловича Гергерта в его воспоминаниях «Как строили Широковскую ГЭС».

И презрительное «мобнемцы», и проживание в палатках при морозе в минус сорок пять, и «питательный» рацион, состоявший из чего-то непонятного («на завтрак немного кашеобразной массы и кружка чая, в обед — суп, его мы называли баландой, потому что это была мутная водичка без каких-либо твердых частиц, на второе — каша с соленой рыбой, на ужин снова жиденькая каша и чай») – всё это вызывает невольный ком в горле и обиду на себя, что не дала возможность отцу выговориться, позволила навсегда унести с собой эту боль, это отчаяние, эту горечь от одиннадцати лет «жизни» в потерянном мире.

В Половинке было много и заключённых (уголовников), но их положение можно было хоть чем-то оправдать. Они были осуждены и несли наказание по суду, наши же «мобнемцы», находясь в таком же – и даже хуже – положении, виновны были только в одном – мать родила их с «неподходящей» национальностью.

Хлеб – вот, пожалуй, что было самым жизненно-важным для трудармейцев. Суточная норма в 800 граммов при таком скудном водно-мутном пайке не покрывала затраты жизненных сил, а в дождливую погоду, когда при невыполнении нормы полагалось только 400, и вовсе была катастрофой, дорогой в могилу.

В.Э Гергерт продолжает: «Холод, недоедание и каторжная работа вершили свое чёрное дело. Людей начал преследовать авитаминоз, затем появились дистрофия и пеллагра. О существовании таких болезней прежде я не имел никакого представления. Выдерживали лишь те, кто обладал особой жаждой жизни, сильные не только физически, но и духовно. Остальные погибали». Я слышу в словах его голос отца. Он тихо шепчет мне: «Вот, дочка, так я жил, так мы жили, теперь ты всё знаешь, потому что ты готова это узнать, услышать». А мне от этого ещё больнее становится. Становится стыдно от поздно проснувшегося осознания, какой ценой отцу моему и всем трудармейцам досталась неволя. Сколько же их осталось там, у реки Косьвы в Пермском крае...

Река Косьва. Северный Урал. Непроходимые леса. Могучая северная природа. Красивая. Но до красоты ли было нашим отцам и дедам? Голод, холод, унижения. Пока шла война, это ещё можно было как-то терпеть, а вот потом... После 9 мая 1945 года стало совсем горько на душе. Трудармейцы поняли, что дом свой увидят ещё не скоро. Так оно и получилось.

В июне 1946 года мой отец был «откомандирован» на Украину, в Днепродзержинск Днепропетровской области. Там нужна была бесправная, дешёвая рабочая сила. Иначе быть и не могло. Фронтовики возвращались в свои родные места, только с немцами можно было поступать как заблагорассудится – ведь за людей их в СССР уже давно не считали. Каторга продолжалась. Восстанавливали заводы, в частности, азотно-туковый – стройка МВД № 882. Узнала эти данные по записи из старенького профсоюзного билета отца, который у меня сохранился. Храню его и поныне, как дорогую семейную реликвию. Каждая буква в нём полита потом и кровью отца моего.

Но и на этом мытарства моего отца не закончились. Следующая точка – Сухумский район Абхазии. На этот раз необходимость в наших отцах возникла на строительстве государственных дач... Если точнее – на строительстве дачи вождя народов. Какой цинизм, какая бесчеловечность! Закончилась война, немцы уже не враги. Люди столько лет в разлуке с домом, с семьёй, с детьми. И вместо того, чтобы вернуть их туда, откуда забрали, продолжают держать в неволе, отбирают самое дорогое. Для чего? «Ради фронта, ради победы» – это ещё можно было бы понять. Но нет: чтобы строить дачу тирану и его приспешникам в стране-победительнице, в стране, называющей себя социалистической.

Стройкой занималось СУ МВД № 791. Дача возводилась в Пицунде, на озере Рица. Промучился там отец с февраля по август 1947 года. В августе 47-го и произошла моя встреча с ним. Эшелон шёл через наш город – Бузулук. Не мог он проехать мимо родного дома, не свидеться с семьёй, с единственной дочерью. Потому и пошёл на дерзкий поступок, который мог закончиться для него трагически. Но, слава Богу, всё обошлось. Свидание было очень коротким. И – снова в путь, в Челябинскую область, на новое место «жительства». Правда, в статусе уже не трудармейца, а спецпоселенца. Неволя продолжалась. В сущности, мало что изменилось.

Тюбук Кыштымского района Челябинской области – место спецпоселения Николая Эдуардовича Шмидта. Знакомясь с его делом, обнаружила запись в анкете, заполненной и подписанной им 3 марта 1949 года: «Пункт 21.

Точный адрес высленца-спецпоселенца в настоящее время – Разъезд Тюбук Кыштымского района Челябинской области, барак номер 7».

В другом документе (дополнение к анкете) написано, что с августа 1947 года отец проживает в Тюбукском лесозаготовительном районе Кыштымского района Челябинской области. Стало ли легче ему и таким, как он? Ответ на этот вопрос можно найти, пожалуй, в одном поистине судьбоносном документе. Это Указ Верховного Совета СССР от 8 мая 1948 года. Ровно три года после победы – и новый приговор: при выезде с места поселения без разрешения – 20 лет каторги. Этот приговор сопровождался массой расписок, которые были заготовлены властью заранее. Тираж огромен. Ещё бы! Бумажка вручалась каждому персонально и не один раз. Каждый обязан был периодически её подписывать. И вышки с охраной и собаками не нужны. Новое изощрённое изобретение коварной власти. Знакомясь с делом своего отца, я их много видела. Вот точное содержание подписки о невыезде: «Мне, высленцу Шмидт Николаю Эдуардовичу, 1915 года рождения в городе Бузулуке, объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд (побег) с места поселения буду осуждён на 20 лет каторжных работ». Дата. Подпись...

Как их много! И каждую он держал в руке, на каждой стоит его подпись. О чём он думал тогда? Какой болью наполнилось его сердце? А нужно было жить, брать откуда-то новые силы...

Ищу сведения о том месте, куда судьба занесла отца уже после победы. Нашла. В Интернете. Прежде всего, поняла, что с этим местом связала судьба очень большого числа российских немцев, подневольно живших и работавших там.

Вот отрывок из одной публикации об атомных разработках и испытаниях. Они проходили и в Тюбуке. «...О строительстве атомных объектов в Челябинской области не знал даже Г. Жуков, командующий Уральским военным округом. Не очень были информированы и в Генеральном штабе, а потому в районе городов Кыштым, Касли и станции Тюбук были назначены военные учения. Был отдан приказ о переброске сюда 9-ти эшелонов с войсками из Челябинска и 10-ти – из Свердловска. Войска предполагалось развернуть рядом с реакторами, на картах эти места значились как абсолютно необжитые. Разведку с воздуха провести было невозможно — полёты над этими районами были категорически запрещены».

Вот ещё один кусочек мозаики, найденный в конспекте урока по краеведению, разработанного начальником архивного отдела администрации Озерского городского округа С.С. Багиной: «В начале ноября на заснеженные поляны и перелески под Кыштымом приехали первые строители, был разработан план и начато строительство будущего комбината и города. Большую территорию обнесли двухрядным забором из колючей проволоки. Так образовалась запретная зона. В апреле 1946 года были построены первые землянки для военных строителей, которые вмещали от 50 до 100 человек. Первоначально планировалось строить плутониевый комбинат и посёлок для работников этого комбината на 5 тысяч населения. Постоянного жилья для строителей не планировалось, т.к. предполагалось, что после строительства комбината они уедут на другие стройки. В августе 1946 года начали рыть котлован для реактора – завода «А». К концу 1946 года на строительстве комбината работало свыше 50 тысяч человек: более 11 тысяч солдат, 21 тысяча заключенных, свыше 3 тысяч возвращённых из Германии советских граждан, около 15 тысяч спецпереселенцев и трудармейцев (немцы Поволжья), около 5 тысяч «указников» (осужденных за мелкое хулиганство), около тысячи человек офицеров-фронтовиков, 3219 человек вольнонаемных рабочих, инженеров, административно-технических работников. Первая большая группа – 100 человек эксплуатационников, т.е. будущих работников комбината – прибыла в октябре 1946 года. В августе 1947 года прибыло ещё 10 тысяч заключенных и конвойный полк в одну тысячу человек. Всего в 1947 году на стройке трудилось 52 тысячи человек. Приказом Министерства Внутренних дел СССР выезд работающим на Базе-10 за пределы зоны был запрещён, а рабочий день установлен – 10 часов. Строительство велось в обстановке строгой секретности. Из запретной зоны в десятидневный срок были выселены все неблагонадежные и посторонние люди. По периметру зоны были размещены военные артиллерийские подразделения с зенитными пушками. В дальнейшем в течение 7 лет из города никому не разрешалось выезжать вообще, даже в отпуск, фотографироваться можно было только по специальному разрешению и в присутствии работника оперативного отдела. Приказ о запрете выезда из города был отменен только в 1954 году. Строители работали в очень тяжелых условиях. Не было строительной техники, основная работа по рытью котлована велась вручную, было очень мало машин, и в основном использовался гужевой транспорт, т.е. повозки, которые везли лошади. С самого начала остро давал знать о себе недостаток хлеба, за которым порой приходилось идти пешком почти 10 километров...»

Прочитала эту информацию в оцепенении. Такое же состояние повторилось, когда читала дело отца. По телу словно ток пропустили. А в горле ком. Читала как в бреде. И расписки, расписки, вплоть до 1954 года...

Там, на лесозаготовках, отец сломал ногу. Узнала об этом из писем мамы, которые она писала в Москву, в Кремль. Эти письма были тоже приобщены к делу отца. В письмах – прошение воссоединить семью. Но те, кто ставил резолюции, были неумолимы. «Жизнь» на спецпоселении продолжалась. Вплоть до 1952 года отец оставался в Челябинской области. А что дальше? Домой? Нет и нет! Снова в эшелон и к новому месту, теперь это был Таджикистан, Табошар Ленинабадской области. Раскинулся он у подножия Кураминского хребта. Что это за город, кто его построил? Однозначно, военнопленные немцы. В те годы мало кто о нём знал. Он был засекречен. В годы войны военнопленные здесь, в сердце Азии, возвели маленькую Германию. Дома все из камня, с башенками и флюгерами – редкость местной архитектуры. Немецкая строгость и аккуратность во всём облике построек – круглые окна, остроконечные крыши в готическом стиле, арка у входа в каждый дом, маленькие дворики. Что же касается причины создания такого города и привлечения российских немцев, то связано это с добычей радиоактивной руды и строительством уранового обогатительного комбината. Уран, добытый в Табошаре (Чкаловске), использовался для создания первой атомной бомбы в СССР. Вот на этих рудниках и работали российские немцы. На их костях развивалась атомная промышленность. Только за одно это государство должно воздать российским немцам по заслугам. Но всё забыто, всё кануло в Лету. Не забыли мы. Мы помним. Мы – потомки тех, кого так нещадно эксплуатировали, унижали, истребляли, лишили самого дорогого – родины. Теперь Табошар – «мёртвый город». Кругом разруха и запустение, как и в Поволжье, в бывших немецких колониях. Всё, созданное немецкими трудолюбивыми руками, острым умом, рациональностью и, несомненно, профессионализмом и талантом, порушено, разграблено, уничтожено.

Но и Табошар не был последней точкой в печальной географии отца. Оставался ещё Ленинабад. Шёл 1953 год. Чем он отмечен в хронологической таблице репрессий российских немцев? Главное и очень значимое событие – смерть «вождя народов». Далее – начало реорганизации карательных органов СССР, которые справедливо были названы «красной инквизицией». Получившее мировую известность выступление заключённых в Воркуте. Наконец, вооружённое восстание политических заключённых в Кингире .

Мама тем временем продолжала писать в Кремль, Швернику, требовать воссоединения семьи. Первое письмо от неё на листочке в клеточку датировано 1948 годом; следующие направлены в Бузулукский отдел МГБ (министерство государственной безопасности), а от отца – в адрес Таджикского МГБ. Я уже училась в 6 классе, всё понимала и очень страдала.

Воссоединили нашу семью 24 февраля 1953 года. Как непросто шло привыкание отца к своему новому статусу, к работе, где его ждали каверзные вопросы и насмешки сослуживцев! К соседям, у которых тоже был «интерес» к нему... Даже если они молчали, в их взглядах отец часто читал обидное для себя. Трудно привыкала к отцу и я – ведь одно дело детские мечты и представления, другое – реальность, которая редко с ними совпадает. Да и не ребёнком была я, а подростком со всей остротой восприятия и настороженным отношением к миру взрослых, присущими этому возрасту...

На следующий день после приезда, 25 февраля, отец встал на учёт в ГО МГБ. Но расписка от 24 апреля 1953 года о 20 годах каторжных работ за побег с места обязательного поселения (теперь уже г. Бузулук) была им в очередной раз подписана. Система сбоев не давала.

Первый паспорт отец получил 27 февраля 1952 года в г. Ленинабаде ТССР.

Снят с учёта спецпоселения 15 ноября 1954 года. Через девять лет после окончания войны...

Такова эта горькая дорога длиной в 11 лет. Больше двух пятилеток система измывалась над моим отцом и всеми российскими немцами. Измывалась изощрённо, жестоко, безнаказанно. Как жили, дышали, ели, спали создатели этой системы? Как жили её исполнители? Кто из них покаялся в содеянном? На этот вопрос пока ещё нет ответа. Да и будет ли?

Послесловие

Умер папа в 1998 году, не у себя на родине. Могила его здесь, в Калининграде. Как и мамина. До последнего дня лежала на нём печать прошлого. С обидой и никогда не покидавшим чувством страха отошёл он в мир иной. Осознание его горькой доли пришло ко мне с большим опозданием. Справка о его реабилитации также запоздала на 11 лет. Датирована она 2009 годом. Горькое число 11 снова повторилось.

А что же я? Я пишу теперь свои воспоминания. Копаюсь в архивах, блуждаю по Интернету в поисках хоть каких-то крупиц сведений об отце и его

нелёгком пути. Посвящаю ему грустные стихи. Разговариваю с ним. Тоскую о нём. Осталась только память, только она. И ничего более.

Портрет

Портрет всегда висел на одном и том же месте. Всю мою сознательную жизнь я видела его там. Больше портретов в небольшом домике на Чапаевской улице в Бузулуке не было. Человеку на нём было лет тридцать, не более. Молодцеватый вид, усы по последней моде, чувство собственного достоинства. То было время взлёта, преуспевания. Бедное, безрадостное детство без дома, без матери и отца, без братьев и сестёр, без родной колонии, без родного языка и обычаев миновало. Он возмужал в чужой среде – русской, где немец был редкостью. Разве лишь сводный брат Саломон, приехавший вслед за ним, был родной душой. Он напоминал Эдуарду о прошлом. С ним можно было предаться в воспоминания. Конечно, самым родным был Иоганнес. Они вдвоём выиграли незримую схватку за жизнь. Дифтерия прошла по семье как тайфун, вмиг сметя сразу троих – сестрёнку Эмилию, Давида и совсем маленького Иоганна Христиана, родившегося уже после смерти отца и названного в его честь. Иоганнес был старше Эдуарда всего на два года. Он стал первенцем в семье Иоганна Христиана и Сузанны (рождённой Опперман) Шмидтов. Иоганнеса и Эдуарда всегда видели вместе. Они были вместе и тогда, когда лишились дома (ведь они отказались идти вместе с матушкой в её новую семью), и позже, когда подростками отправились по миру в поисках пропитания и, возможно, лучшей доли.

Поистине: свою жизнь они создали сами. Только слишком далеко она их раскидала. А так хотелось им жить рядом, бок о бок! Не вышло. Разошлись их пути-дороги. Одного жизнь забросила в далёкую Америку, где Иоганнес крепко встал на ноги, другого, Эдуарда, деда моего, потрепала основательно в советской России. Но что ж поделать – сам выбрал свою долю, отказавшись ехать с братом на другой континент.

Но портрет висел на стене. Только один. Его. Потому что был он в семье почитаем и уважаем. И кормилец, и мудрец. И весельчак, и глава. Мне не приходилось слышать, чтобы он повысил голос, произнёс грубое слово. Всегда степенен, выдержан. Никогда не был расточительным, пожалуй, немного даже скуповатым. Но даже эта, казалось бы, отрицательная черта выглядела достоинством. Он прожил долгую жизнь, во что сам верил всегда. Ему «хиромантка» нагадала – так он всегда говорил. Так оно и получилось. Умер, когда был уже прадедом. А отцом пришлось побыть многодетным – детей родил чуть ли не дюжину. Выжили, правда, немногие: умирали тогда во младенчестве часто. Самыми живучими оказались первенец Владимир, погодок его Николай, мой отец, и Александра.

Жена его была красавицей. Пошла за него наперекор всем в семье потомственных железнодорожников Бузулука. Особенно противился свадьбе старший брат Яков. Очень уж не хотелось ему, чтобы любимая сестрёнка стала женой немца. Но Александра сказала: «Нет! Я выйду за него!» И вышла. Но предупредила несговорчивого братца, чтобы он ни в коем случае не приходил даже на её похороны, когда её не станет. Умерла она рано, в трудное для семьи время – в 1932, когда они лишились всего. Во спасение семьи мой мудрый дед Эдуард отдал имущество сам, добровольно. Но жену тем не спас. Она, тяжело заболев, ушла из жизни совсем молодой. И не естественным, не божьим путём.

А портрет теперь у меня. При отъезде моих родителей в Калининград был он передан дочери Эдуарда. Потом не стало и её. У внучки – той, другой – он уже не висел на стене. Дождался своего часа, знал, что не будет предан забвению. Верил в это. И не ошибся. Я привезла его в Калининград. Теперь он дома. И хотя его копия уже давно заняла почётное место на стене в моём уже доме, сегодня принято решение — вернуть именно тот портрет, который всё моё детство и юность смотрел в мои глаза, на место. И я это сделаю. Чтобы и дети мои, и внуки, и правнуки прониклись чувством безмерной любви к этому молодцеватому, благородному, пережившему немало, но

сохранившему чувство собственного достоинства продолжателю рода Шмидтов из Гессена и Сусанненталя.

10 июня 2013 года

Послесловие

Когда портрет моего дедушки Эдуарда Шмидта из Сусанненталя занял почётное место в моей квартире, как же мне стало легко на душе, как радостно на сердце! Он будто теперь со мной, мой дорогой дедушка. Он ведёт меня правильной дорогой, он поддерживает меня в моём выборе. Мудром и единственно правильном. Ведь за мной — целый род, и он ждёт от меня возрождения памяти и передачи её в будущее.

20 августа 2013 года